

Дмитрий Михайлович Федяев

Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии, Омск, Россия
e-mail: fedyaev@omgpu.ru

Наталья Дмитриевна Федяева

Омский государственный педагогический университет, доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка и лингводидактики, Омск, Россия
e-mail: ndfed@yandex.ru

О типах мироотношения: от технического к романтическому

Аннотация. В ряду философских категорий, начинающихся с «миро-», категория мироотношения отличается наличием и, соответственно, осмыслением действенной, практической составляющей. В статье рассматриваются типы мироотношения, сущностные характеристики которых представлены в работах Канта и Гегеля. Показано, что в кантовской философии (прежде всего — в гносеологии) представлен технический вариант мироотношения, а Гегель, сравнительно с Кантом, является отчасти романтиком в своем неизменном стремлении к истине.

Ключевые слова: мироотношение, априоризм, романтизм, техника, порядок, истина.

Dmitry M. Fedyaev

Omsk State Pedagogical University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: fedyaev@omgpu.ru

Natalya D. Fedyaeva

Omsk State Pedagogical University, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Russian Language and Linguodidactics, Omsk, Russia
e-mail: ndfed@yandex.ru

On Types of Worldview: From Technical to Romantic

Abstract. Among philosophical categories beginning with “world-,” the category of worldview is distinguished by the presence and, accordingly, the conceptualisation of an active, practical component. This article examines types of worldview, the essential characteristics of which are presented in the works of Kant and Hegel. It is shown that Kant’s philosophy (primarily his epistemology) presents a technical version of worldview, while Hegel, compared to Kant, is somewhat of a romantic in his unwavering pursuit of truth.

Keywords: worldview, apriorism, romanticism, technology, order, truth.

Введение (Introduction)

Немецкая классическая философия для последующих поколений философов была не только источником идей, но и объектом критики, интенсивной и многосторонней. Так, Герман Коген критиковал немецких философов-классиков, последователей Канта, за их романтизм. Согласно его версии, «разорвав связь с наукой, романтическая философия устремляется к познанию абсолюта, в котором сознание — это больше не трансцендентальное единство условий воз-

можности опыта, но метафизическое единство, создающее свое собственное содержание. <...> В этом романтическом эстетизме скрыто возвращение к средневековому примату религии, к догматизму и мифологии, для которых пантеизм романтиков является средством, а не препятствием» [1, с. 106–107]. Наиболее романтическим был, как оказывается, Гегель. Если же мы признаем мироозерование Гегеля романтическим, то встает вопрос: как же следует определить общий характер философии Канта, который противо-

© Федяев Д. М., Федяева Н. Д., 2025

Для цитирования: Федяев Д. М., Федяева Н. Д. О типах мироотношения: от технического к романтическому // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2025. № 3 (48). С. 54–58. DOI: 10.36809/2309-9380-2025-48-54-58

поставляется Г. Когеном всей «романтической» тройке: Фихте — Шеллинг — Гегель? На наш взгляд, ей подойдет прилагательное «технический», а наиболее уместным существительным окажется «мироотношение». Мы попытаемся кратко охарактеризовать категорию мироотношения, а затем сравнить кантовский и гегелевский варианты.

Методы (Methods)

Основным методом (совершенно обычным) является осмысление трудов классиков и их комментаторов, сравнение и сопоставление философских идей. Избранная здесь тема требует соотнесения идей «чистой» философии с принципами других областей познания и деятельности в их развитии, с логикой обыденного мышления и практикой повседневной жизни.

Литературный обзор (Literature Review)

Основными источниками являются работы Канта и Гегеля. Прежде всего, кантовская «Критика чистого разума», а также «Пролегомены к всякой метафизике...». Далее, критическая работа Эрна «От Канта к Круппу», в которой наиболее явно показан технический аспект кантовской гносеологии. Гегель представлен обоими вариантами своей, возможно, ключевой работы: однотомной «Логикой» и трехтомной «Наукой логики». Они содержательно дополняют друг друга. Поскольку же романтизм за рамками личностных вариантов считается преимущественно литературным жанром, потребовалось обращение к справочному литературоведческому источнику. Использовались также собственные наработки по проблеме технического мироотношения.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Категорию мироотношения нельзя назвать слишком популярной. Значительно более привычны и основательно разработаны такие категории, как мировоззрение, мироощущение, мировосприятие, миропонимание. Это вполне понятно: в содержании последних отчетливо выражена субстратная основа (насколько термин «субстрат» применим к духовным образованиям), а именно набор ощущений, восприятий, представлений, понятий, которые могут быть описаны и теоретически осмыслены. Отношение же по природе своей виртуально. В то же время категория мироотношения, модификациями которой являются категории мировоззрения, мировосприятия и т. д., является единственной в этом ряду, в ней отчетливо выражена материально-деятельностная, а не только духовно-рефлексивная составляющая, «отношение» имеет очевидный практический аспект. Согласно Аристотелю, отношение или соотнесенное включает «...то, что относится как способное нагревать к нагреваемому, то, что может разрезать, — к разрезаемому, и вообще то, что может делать, — к претерпеваемому...» [2, с. 166–167, 1020b30]. В технике рефлексивная составляющая несомненно присутствует, но вне деятельностной компоненты она лишается своего смысла.

Понятие мироотношения в его наиболее обобщенном значении характеризует противопоставление и взаимную обусловленность человека как родового существа и мира как целого. Отношение человека к миру складывается из

отношений к его фрагментам: природе сотворенной и творящей, второй природе, социуму, к так или иначе объективированным формам духа. В то же время мироотношение как целостность не сводится к механической сумме образующих его частей. Здесь имеется в виду не только то, что целое не исчерпывается суммой частей, но и то, что часть и целое в данном случае могут быть вполне сопоставимыми, как атом, согласно некоторым физическим теориям, несет в себе вселенную. А именно — отношение к отдельному фрагменту мира может быть для человека настолько существенным, что оно определяет, как закон, отношение к другим фрагментам и к миру как целому. Объект такого существенного отношения является посредником отношений к другим объектам, а отношение к такому объекту детерминирует всю систему отношений с миром, задает существенные особенности поведения субъекта в мире. Субъектами мироотношения могут быть род, человечество, социальный организм, группа, индивид.

Качество объекта-посредника определяет избирательность мироотношения в силу его корреляции с некоторой доминирующей (для данного субъекта) объектной структурой, выполняющей функцию уже не посредничества или представления, а скорее замещения мира. Для краткости назовем такую структуру *объектом-доминантой*. Отношение к доминирующей объектной структуре является для субъекта в наибольшей степени ценностно осмысленным, активным. Объект-доминанта — фрагмент мира, являющийся в то же время миром человека, он очерчивает круг основных интересов. Он не охватывает и не исчерпывает «всего» мира, но уже самый выбор объекта-доминанты представляет собой мироотношение. Различные типы мироотношения переплетаются, проникают друг в друга, образуя в совокупности отношение человека-рода к миру как целому. Возможности проникновения одного типа в другой определены природой объекта-доминанты, объекта-посредника и характером их связи.

В техническом мироотношении объектом-доминантой является преобразуемая человеком среда, а объектом-посредником — все средства преобразования. В широком смысле слова не только вещные средства деятельности, или предметные структуры практики, но и приемы деятельности, а также подкрепляющее деятельность знание являются техническими средствами. Наиболее очевидный смысл технического мироотношения заключается в полагании среды человеком посредством ее преобразования. Как известно, понятие полагания означает, с одной стороны, мысленное допущение, утверждение («положение»), суждение о чем-нибудь, с другой — утверждение, создание чего-то как реального, т. е. реальное порождение бытия в том или ином его аспекте.

В технике отражены, сняты, представлены в очевидном единстве природное и человеческое начала. Наиболее непосредственно это обнаруживается в инструментальном комплексе. Самое простое орудие ручного труда одним концом направлено на объект и адекватно ему, а другим должно удобно лежать в человеческой руке. Его размеры, вес и материал должны соответствовать и предмету труда, и его субъекту. Как бы техника ни усложнялась, природное

и человеческое остаются сплавленными в ней и в этом сплаве обремененными друг другом [3, с. 15–21].

Технический, «преобразовательский» пафос кантовской философии очевиден. В чувственном познании Кант выделяет априорные формы чувственности — пространство и время, выявляя их значение на материале геометрии и арифметики. «Пространство и время — вот те созерцания, которые математика кладет в основу всех своих познаний и суждений...» [4, с. 98] «Геометрия кладет в основу чистое созерцание пространства. Арифметика создает понятия своих чисел последовательным прибавлением единиц во времени...» [4, с. 99]

В геометрии нет вещей, но есть пространство. В арифметике нет событий, но есть время. Последний тезис, если он покажется странным, каждый может подкрепить воспоминанием о решении арифметических примеров в школе: одно преобразование следует за другим, пока не появится искомый ответ. Событий нет, но есть следование одного за другим, а значит, есть время. Таким образом, оказывается, что пространство и время являются не характеристиками вещей и событий, а формами чувственности — априорными. Человек вносит их в мир, и тем самым он вносит порядок.

Упорядочивание продолжается естествознанием. Согласно Канту, естествознание возможно благодаря категориям — априорным формам человеческого рассудка. Категориями называют предельно широкие понятия, применимые к любой области познания и деятельности. Их специально изучает философия, но все мы употребляем их совершенно непринужденно, нисколько не задумываясь над точными определениями: причина и следствие, общее и единичное, необходимое и случайное, и др. — термины, сопровождающие почти каждую мысль. Кант насчитывает 12 основных категорий, но их точное количество не столь существенно.

Априорный характер категорий представляется очевидным при рассмотрении любой типичной познавательной задачи. Допустим, что некто взялся исследовать причины того или иного явления. Согласитесь, что этот гипотетический исследователь *заранее*, т. е. *до опыта* освоения проблемы уже уверен, что какие-то причины есть, поскольку причины есть у всего. Мир как совокупность законов, открываемых естествознанием, возможен благодаря категориям. Категории — вопросы, которые мы задаем природе: а в чем причина... и др. Ответы же зависят, во-первых, от задаваемых вопросов, во-вторых, от способов, какими мы вынуждаем природу отвечать. Основной способ — пытка (а ученый — естествоиспытатель). Именно аналогом пытки в период становления науки считали эксперимент.

Характеризуя активно-агрессивный характер науки Кант пишет: «Естествоиспытатели поняли, что разум видит только то, что сам создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти впереди согласно постоянным законам и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу... Разум должен подходить к природе, с одной стороны, со своими принципами, сообразно лишь с которыми согласующиеся между собой явления и могут иметь силу законов, и, с другой стороны, с экспериментами, придуманными сообразно

этим принципам для того, чтобы черпать из природы знания, но не как школьник, которому учитель подсказывает всё, что он хочет, а как судья, заставляющий свидетеля отвечать на предлагаемые им вопросы» [5, с. 85–86].

Итак, субъект познания упорядочивает мир при помощи априорных форм чувственности, ставит ему вопросы, которые априори представляются правомерными, после чего посредством пытки, обеспеченной эффективными орудиями, вынуждает его отвечать. В результате оказывается, что мы познаем не мир, каков он есть сам по себе, а мир для нас, т. е. измененный, или, как нам представляется, упорядоченный нашим воздействием, аналогичным техническому. Каков же он сам по себе, остается неясным. В связи с этим возможна мрачная аналогия с применением пыток к людям, в результате чего достигались положительные ответы на вопросы, сколь угодно необычные: «Как именно вы летали на шабаш ведьм? На метле?» и т. п.

Технический контекст кантовской гносеологии, возможно, наиболее явно представлен в статье В. Ф. Эрна «От Канта к Круппу», которая характеризуется высокой патетикой и, согласно В. Зеньковскому, в свое время шокировала читателей. «Я убежден, во-первых, что бурное восстание германства предreshено *Аналитикой* Канта; я убежден, во-вторых, что орудия Круппа полны глубочайшей философичности; я убежден, в-третьих, что внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же самого германского духа в орудиях Круппа» [6, с. 101]. Сколь бы ни были шокированы первые читатели статьи, едва ли можно возразить против правомерности аналогии: подобно тому, как кантовские априоры вносят в мир порядок, орудия Круппа несут человечеству германский порядок. Впечатляют и некоторые «мелочи», подкрепляющие основную аналогию: «В крупнейших орудиях Круппа первенствующая в технике Германия доходит до некоторого человеческого *предела*. Странно сказать, эти орудия почти неперевозимы, ...почти что невозможны в смысле неосуществимой разорительности» [6, с. 104]. Их предельность была подтверждена уже реалиями Второй мировой войны: ничего подобного «Парижской пушке» или «Большой Берте» не создавалось. Они уступили место более практичным изделиям. Так и категории являются понятиями предельной общности, не допускающими буквальных чувственных иллюстраций. Мы можем представить причину чего-то, но причину вообще — нет.

Гносеологию Канта многократно критиковали, утверждая, что между вещью в себе и вещью для нас нет принципиальной разницы. Тем не менее она постепенно занимала свое место в ряду общепризнанных философских идей. Согласно логике Канта, результатом познания является не мир сам по себе, а мир, очеловеченный чувством, мыслью и действиями человека. В наши дни эта логика представлена даже в учебниках для аспирантов, сдающих экзамены по основам философии науки, в разделах, посвященных научным революциям и, соответственно, типам научной рациональности. Так, в одном из таких учебников читаем, что «мышлению объект не дан в его «природно-девственном», первозданном состоянии: оно изучает не объект как он есть сам по себе, а то, как явилось наблю-

дателю взаимодействие объекта с прибором» [7, с. 395]. Далее, здесь же:

«В постнеклассическом типе рациональности учитывается... соотносительность характеристик получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ее ценностно-целевыми структурами. Причем, эксплицируется связь внутринаучных целей с вне-научными, социальными ценностями и целями» [7, с. 399].

Перейдем к вопросу о правомерности противопоставления гегелевского романтизма кантовскому техницизму. Понятие романтизма нередко представляется интуитивно понятным, но, что называется, на первый взгляд. Поскольку романтизм является более литературным жанром, нежели философским направлением, обратимся к литературному источнику. Попытаемся выделить наиболее характерные особенности:

- романтизм противопоставил механической картине мира образ становящегося мира-организма;
- открыл в человеке новые измерения, связанные с бессознательным;
- общая периодизация романтизма невозможна из-за неоднородности его развития в различных странах;
- иенские романтики были первыми теоретиками романтизма. Для них характерны мотивы разрушения привычных границ и иерархий, одухотворяющего синтеза, пришедшего на смену идеям «связи» и «порядка»;
- русский романтизм включил идеи мировой души и ее манифестации в природе, присутствия потустороннего в земном мире, поэта-жреца, всевластия воображения, земного мира как темницы души — идеи изначально немецкого происхождения;
- для него характерна целостность устроения, проявляющаяся в сознании, что бесконечное окружило человека, связанного со всеми частями универсума, с будущим и прошлым;
- романтизм отрицает вертикальную соподчиненность явлений, уравнивает природу и человека, неорганическое и органическое, высокое и низкое, и др., разрушает классическую шкалу ценностей;
- у романтического героя-странника нет ясно поставленной цели;
- Средние века вызывают любовно-ностальгическое отношение;
- для позднего романтизма характерны эсхатологические настроения, представление об истории как о драме, которая близится к концу;
- очерченный романтизмом проблемный круг (темы утраченного рая, отчуждения, вины и искупления, богоборчества, богооставленности, нигилистического сознания) оказался долговечным, он присутствует и в позднейшей литературе;
- Гегель определил термином «романтическое» одну из трех (наряду с символической и классической) глобальных художественных форм, в которой дух, порывая с внешним, обращается к своему внутреннему бытию, чтобы там насладиться своей бесконечностью и свободой [8].

Вернемся к оценке гегелевского «романтизма» Германом Когеном. В цитированном выше высказывании наибо-

лее существенны две точки расхождения с кантовскими воззрениями: разрыв с наукой и установка на абсолют. Попытаемся оценить справедливость высказанного мнения. Кстати, не только большинство критических оценок гегелевской философии, но и ее популярные изложения нередко начинаются с темы абсолютной идеи, разума, духа.

Итак, разум... Обратимся к гегелевскому тексту. «Движение солнечной системы происходит по неизменным законам: эти законы суть ее разум, но ни солнце, ни планеты, которые вращаются вокруг него по этим законам, не сознают их. Таким образом мысль, что в природе есть разум, что в ней неизменно господствуют общие законы, не поражает нас, мы привыкли к этому и не придаем этому особого значения...» [9, с. 12] Иначе говоря, материальные процессы подчинены законам — объективно существующему духовному. Едва ли здесь будет справедливым суждение о разрыве с наукой.

Оказывается, что «идея есть истина, ибо истина состоит в соответствии объективности понятию, а не в соответствии внешних предметов моим представлениям; последнее есть лишь *правильное представление*, которое я, *данное лицо*, составляю себе» [10, с. 321]. Именно об этом «...наиболее глубоком смысле истины идет речь, когда говорят об *истинном* государстве или об *истинном* произведении искусства...когда их реальность соответствует их понятию» [10, с. 322]. Она находится в каждом сознании, хотя искаженная и ослабленная. Идея как процесс проходит в своем развитии три формы: жизнь — идея в форме непосредственности; познание — теоретическое и практическое; абсолютная идея, содержащая всю полноту положенного ею содержания. Едва ли абсолютную идею можно буквально «представить» или же привести пример, который ее «разъяснит», покажет в общепонятной форме. Тем не менее Гегель находит нетривиальный пример, сравнивая абсолютную идею со стариком, высказывающим то же самое религиозное содержание, что и ребенок, но для которого оно является смыслом всей его жизни [10, с. 341]. Впрочем, и такая иллюстрация не вполне ее проясняет.

Неполная ясность абсолютной идеи не означает, что, предлагая эту категорию, Гегель расходится с наукой. История науки демонстрирует, что именно объединение нескольких законов, относящихся к общей предметной области, ведет к созданию общей теории, которая делает их единение органичным. Ключевым элементом теории оказывается идеальный (или идеализированный) объект, который и реализует функцию единения, но при этом является нереальным, подобно абсолютной идее. Первый шаг на этом пути сделал Исаак Ньютон с его точечной массой. Масса в принципе не может сосредоточиться в точке, но именно «благодаря» точечной массе механика стала настоящей наукой и породила, в частности, механистическое мировоззрение. Одним из вариантов развития механицизма стала, например, классическая политэкономия.

Приведем годы жизни выдающихся личностей — ученых и философов: Исаак Ньютон (1643–1727); Адам Смит (1723–1790); Георг Гегель (1770–1831). Таким образом, Гегель создавал свою философию, когда механическая теория уже получила самое широкое применение не только в области

физики и техники, но и в общественной жизни. Едва ли он мог этого не заметить, если в «Науке логики» нашлось место, например, для дифференциального исчисления, правомерность которого вызывала бурные дискуссии в среде математиков.

Очевидно, что статус объективности у Гегеля выше, чем у Канта, поскольку объективны законы, в совокупности образующие разум; она допускает универсальное стремление к истинности, совпадающей с чистотой и полнотой законов и образующих их понятий. Известно, к примеру, что художник М. В. Нестеров в период своего творческого становления мечтал о том, чтобы о нем сказали: «Это художник!», т. е. признали его соответствие понятию художника. Однако возможны и другие ситуации, когда, к примеру, революционеры стремятся к созданию истинного государства, для чего придется разрушить существующее, не-истинное. В то же время истина (объективная) самоценна, независимо от ее практического значения, как знание о самоценном мире.

Мир по сути своей изменчив, независимо от того, устраивают нас его изменения или нет. В нем присутствуют границы объективного и субъективного характера. «...Обычно придают *большое* значение пределам мышления, разума и т. д. и утверждают, что *невозможно* выйти за эти пределы. В этом утверждении скрывается отсутствие сознания того, что если нечто определено как предел, мы тем самым уже вышли за этот предел. Ибо некоторая определенность, граница, определена как предел лишь в противоположность к его иному вообще как к его *неограниченному*; иное некоторого предела как раз и есть *выход* за этот предел» [11, с. 197]. Участь любой границы — быть нарушенной. Соответственно, вещь в себе не отделена непроницаемой перегородкой от вещи для нас.

Продолжая тему романтизма, приходится констатировать, что некоторые признаки романтизма как литературного жанра, представленные выше, соответствуют гегелевской философии, а именно: образ становящегося мира-организма; идея разрушения привычных границ и иерархий; идея синтеза, но не механической связи; воплощение мировой души в природе; утверждение связи человека со всеми частями универсума, безусловное признание самоценно-

сти истины и др. Если судить хотя бы по тексту «Логики», Гегель, критикуя Канта, не в меньшей степени продолжает его мысли, чем опровергает, его «романтизм» оказывается в известной мере развитием кантовского «технизма».

Общеизвестно, что при всех различиях учений оба философа, о которых здесь идет речь, прекрасно «ужились» в современной философии при всех ее трансформациях. Можно назвать и некоторых других философов, которым как-то удалось остаться современными, несмотря на «смену времен». Платон, к примеру, сохраняет актуальность, какие бы зигзаги не случались в истории. На наш взгляд, «секрет» вечности некоторых философских учений заключается в следующем: авторам удалось выявить ключевые элементы культуры их времени, которые были еще новыми или же только ожидалось, но впоследствии оказались устойчивыми, «вневременными». Причем, показать именно такие элементы, которые входят в мироотношение, т. е. представлены как в мышлении, так и в деятельности, и в ключевых ценностях.

В философии Иммануила Канта представлена квинт-эссенция мироотношения эпохи промышленного переворота с его кипучей энергией, нацеленной на преобразования, и результатами технически оснащенной деятельности, изменившей не только среду обитания людей, но и образ жизни подавляющего большинства. Следует отметить, что одно из ключевых изобретений, определивших промышленный переворот — паровая машина двойного действия, — было сделано в 1782 г. на родине промышленного переворота — в Англии. До индустриализации Германии при жизни Канта было еще далеко, так что его гносеология явилась образом будущего. Гегель же развил идею неукротимого движения, преодолевающего границы, но восстановил представление о самоценности истины, которое было характерно для древности и средневековья, восстановил его уже применительно к науке современного типа. Учением о всеобщей связи Гегель «разместил» человека в бесконечном мире, наконец, предложил простое по формулировке, но совсем непростое для реализации решение вопроса о смысле жизни — реализовать свой потенциал, представленный понятием. Таким образом он, соотносительно с Кантом, оказался романтиком.

1. Пома А. Критическая философия Германа Когена. М. : Академический проект, 2012. 319 с.
2. Аристотель. Соч. : в 4 т. Т. 1 : Метафизика. М. : Мысль, 1976. 550 с.
3. Федяев Д. М. Техническое мироотношение (сущность, модификации, эволюция) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 1994. 44 с.
4. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 69–211.
5. Кант И. Соч. : в 6 т. Т. 3 : Критика чистого разума. М. : Мысль, 1964. 800 с.
6. Эрн В. Ф. От Канта к Круппу // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 101–107.
7. Основы философии науки : учеб. пособие для аспирантов / В. П. Кохановский [и др.]. 3-е изд. Ростов н/Д. : Феникс, 2006. 608 с.
8. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М. : Интелвак, 2001. 1600 стб.
9. Гегель Г. Соч. : в 14 т. Т. 8 : Философия истории. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 470 с.
10. Гегель Г. Соч. : в 14 т. Т. 1 : Энциклопедия философских наук. Ч. 1 : Логика. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. 367 с.
11. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. М. : Мысль, 1970. Т. 1. 501 с.